

Вся власть – Аркадию Аверченко!

В тот год, когда он вместе с остатками врангелевской армии навсегда покинул Россию, ему исполнилось 39. Способнейший сатирик умирающей Российской империи, Аркадий Аверченко был столь известен, что без труда устроился за рубежом. Аверченко – из тех, кого именуют интеллигенцией: всю жизнь он был "пролетарием умственного труда", хотя и далёким от пролетария по уровню жизни. Ценитель ресторанных деликатесов. В сборнике "Дюжина ножей в спину революции" вспоминал как самое светлое время дни Манифеста 17 октября.

Чем, судя по фельетону, Аркадию Аверченко в ноябре 1917 г. не нравились большевики? Второй вопрос по этому тексту касается объективного смысла политического развития России в 1917 г. Одни считают, что, если отвлечься от саморекламы политических вождей, события 1917 г. можно оценить как переход от демократии к диктатуре, другие – как поиск наиболее дееспособной партии, готовой управлять государством; версий много. Каково объяснение Аркадия Аверченко?

Аркадий Аверченко.

Вся власть – мне

Уже несколько дней подряд я ходил как неприкаянный, и все время не мог понять, что со мной делается...

- Что с тобой такое? - спрашивали друзья.
- И сам не понимаю что. Чего-то мне хочется, а чего и сам не знаю.
- Может быть, ты жениться захотел?
- Фи, какая гадость! Тоже выдумаете... Нет, мне хочется чего-то эдакого... Ну, понимаете?

Такого.

- Какого?

Я беспомощно вертел рукой.

- Ну, такого знаете... большого. Важного.

- Родзянки, что ли?

- Глупо. Понимаете, чего-нибудь такого, чтоб оно было большое и приятное.

- Ну, это довольно расплывчато. Вагон белой муки под это подходит. Гарем египетского хедива подходит. Доходный дом на Невском. Бриллиант величиной с куриное яйцо. Жесточайшая подагра у твоего врага. Мало ли что бывает большое и приятное!

Однажды кто-то спросил:

- Может тебе сладенького хочется?
- А чего бы, например? – задумчиво прищурился я.
- Скажем, земляничный торт. Да нет их теперь. Власти запретили.

Вдруг я, осененный, стукнул кулаком по столу.

- Есть! Вот чего я хочу!

- Торт? Но торты запретили власти.

- Нет! Вот этого именно я хочу: власти! – Власти мне уже который день хочется!

Окружающие засмеялись.

- Ишь чего захотел! Власти! Раньше было Вся власть советам, а теперь вся власть у большевиков. Опоздал, голубчик!

Снова я стукнул кулаком по столу.

- Так будет же по-моему! Товарищи пролетарии! Объединяйтесь под знаменем: Вся власть Аркадию Аверченко!

На наш век пролетариев хватит.

Я был как в горячке. Вдохновение горело на челе моем.

- С чего же Вы начнете? – спросили меня.

- Ясно с чего: с декрета.

Через день мой первый декрет был уже напечатан и расклеен:

ДЕКРЕТ:

Главного сверх-народного комиссара, поставленного волей самых что ни на есть беднейших крестьян, невероятно солдатских солдат и поразительно матросских матросов...

Товарищи! Большевики вас обманули и обсчитали. Что они дали вам? Землю? А вы спросите их, кто будет обрабатывать эту землю? Придется вам же! Очень весело, нечего сказать! Нет,

товарищи! Если вы объединитесь под священным лозунгом не трудящихся масс: Вся власть Аркадию Аверченко! – то вы будете иметь землю и не вы будете ее обрабатывать. Дудки-с! Довольно вы уже поработали. Пусть другие работают за вас! И эти другие – буржуи и аристократы! Скажем так, Родзянко и Милюков впрягаются в плуг, а графиня Кантакузен идет сзади и подгоняет их. Косить будут Сумароковы-Эльстон, – вся семья, а молот – те же большевики. Это их дело! Довольно они попили вашей кровушки! Пусть коров пасет председатель сельскохозяйственного общества, а крыши чинят сами братья Тонет. Большевики глупо, как попугаи повторяли:

- Вся власть беднейшим крестьянам!

Почему? Я, наоборот, говорю:

- Вся власть богатейшим крестьянам, потому что среди вас не будет бедных!

Вы, товарищи рабочие! Большевики и вас обманули! Подумаешь, важное кушанье – контроль над производством? А заводы и фабрики все-таки у буржуев-капиталистов! Нет, я вам дам побольше! К нам пожалуйста, первый сорт у нас покупали! Каждый рабочий у меня получит собственный небольшой завод или фабрику на сто персон, и пусть он отныне ходит по заводу, заложив руки в карманы, да только покрикивает – рабочими у него будет Крестовников, Коновалов и прочие Рябушинские. Это тебе не контроль какой-нибудь паршивый! Итак, идите все на улицу и носите по улице писанную торбу, на которой должны быть напечатаны великие слова:

- Вся власть Аркадию Аверченко!

- Долой контрреволюционеров, всех этих буржуев, – Каледина, Керенского, Троцкого, Ленина и других, продавшихся капиталу!

Товарищи солдаты и матросы! К вам слово мое! Вы так жадно хотите мира, – разве его вам дали обманщики большевики? Что они сделали? Послали к немцам для переговоров какого-то несчастного Шнеура, да и тот оказался жуликом! Нет, вот у меня будет мир, – так мир! За ухо от него не оттянешь. Такой скорый, что не успеете и оглянуться. И что это за скромность такая, – без аннексий и контрибуций? Почему? Наоборот! С массой аннексий и контрибуций! С чьей стороны – это не важно.

Те же из вас, которые все равно не воевали и которым будет ли война или нет – ни тепло, ни холодно, – одним словом, петроградскому революционному гарнизону, – я обещаю на ухо пять словечек: 1. Государственный, 2. банк. 3. Погреб, 4. Зимнего и 5. дворца!

Теперь, посчитайте, – кто больше дает – я или большевики? За кем вы пойдете, за мной или большевиками? Дураки вы что ли, чтоб идти за ними, когда я даю втрое больше?

Итак, пусть перед вашими духовными очами ярко горят два огненных лозунга:

1. Вся власть Аркадию Аверченко!

2. Господин, у нас покупали, – пожалуйста.

Подписано:
Сверх-верховный сверх-комиссар
Аркадий Аверченко

Да здравствует углубление революции!

В борьбе обретешь ты лево свое!

Не прошло и нескольких часов, как ко мне в квартиру влетели бледные, растерянные Троцкий и Ленин.

- Что Вы наделали? – с порога крикнули они. – С ума Вы сошли?

- А что? – спросил я с невинным видом. – Садитесь, господа.

- Уже? – крикнул хрипло Троцкий. – Мы не хотим садиться! Вы не имеете права нас арестовывать!

Я вспыхнул.

- Это почему же, скажите пожалуйста, – надменно спросил я. Отныне вся власть перешла ко мне! Вся власть Аркадию Аверченко!

- Вас никто не выбирал.

- Выберут! Я таких обещаний в свой декретишко насовал, что все за мной побегут.

- Но ведь это ложь! – стукнул кулаком по столу Ленин. – Где Вы возьмете столько фабрик, чтобы наделить каждого рабочего фабрикой? Где Вы наберете столько Родзянок и Кантакузенов, чтобы пахать на них землю? Какой это мир можно в два дня заключить? Мы неделю не могли, а Вы...

- За ним все равно никто не пойдет, – пробормотал дрожащими губами Троцкий.

Я ядовито улыбнулся.

- Вы думаете? А вы слышите уже эти крики на улице: Вся власть Аркадию Аверченко! Долой капиталистов Троцкого и Ленина!

- Пощадите! – застонал, простирая ко мне руки, Ленин. – Отпустите!

- Поздно, – сказал я роковым голосом, показывая на появившихся в дверях красногвардейцев. – Арестуйте этих двух...

Я устало указал на Ленина и Троцкого.

- Куда их потом? – презрительно спросил красногвардеец.

- Ну, как обыкновенно: в Петропавловку¹. Ступайте, господа. Все там будем.

И что же! Последняя моя фраза оказалась пророческой: я пошутил, а через три дня появилась новая власть, и я, сверх-комиссар был сверх-арестован и посажен в сверх-Петропавловку сверх всех министров.

Моим преемником по власти над страной оказался какой-то Федька Кныш, – он так и подписался под декретом, свалившим меня:

- Федька Кныш, крючник калашниковой пристани.

И знаете, чем он взял в свои руки все не-трудящиеся массы, чем он победил?

Краткий лозунг был у Федьки, а крепкий, черт его поberi!

Вот этот лозунг:

- Шантрапа! – писал грубый, невоспитанный Федька. – Делай что хошь! На шарап! Мой лозгун (?): Всем – все!

И долго ходили толпы по городу, с яркими плакатами в руках:

"Вся власть Федьке".

Ничего не поделаешь. Федька оказался левее.

Арк. Аверченко

Новый Сатирикон. Еженедельный журнал сатиры и юмора. 1917. № 44. С. 3, 5.

<http://sobralio.net/humor/?q=node/282>

<http://sobralio.net/humor/?q=node/284>

¹ В Петропавловскую крепость, главную политическую тюрьму империи, после свержения монархии были посажены министры последнего царского правительства.